

ПОКОРЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ

Сборник

**Покорение Средней Азии.
Очерки и воспоминания
участников и очевидцев**

Православное издательство "Сатись"

2007

Сборник

Покорение Средней Азии. Очерки и воспоминания участников и очевидцев / Сборник — Православное издательство "Сатись", 2007

ISBN 5-7373-0076-5

В книге рассказывается о почти забытой, но оттого не менее славной истории покорения среднеазиатских ханств Российской империей. Завоевание, совершенное в тяжелейших условиях и сравнительно небольшими силами, имело для населения Туркестанского края чрезвычайное значение. Обширный край насильно выводился из дикости азиатского средневековья и деспотизма, и начинал приобщаться к плодам европейской цивилизации и законности. В сборник вошли очерк истории завоевания Средней Азии и рассказы участников и очевидцев этих событий. В оформлении обложки использован фрагмент картины В. Верещагина «У крепостной стены».

ISBN 5-7373-0076-5

© Сборник, 2007
© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

Завоевание Средней Азии	6
Начало русского проникновения в Среднюю Азию. От Бековича до Перовского	8
Колпаковский и Черняев	10
Подчинение Бухары	12
Хивинский поход и покорение Коканда 1873–1876 годов	14
Ахал-Текинские походы 1877–1881 годов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Покорение Средней Азии

А.В. Блинский

© Блинский А.В., текст, составление, 2007

© Издательство «Сатисъ», 2007

Завоевание Средней Азии

Завоевание Средней Азии резко отличается по своему характеру от покорения Сибири. Семь тысяч верст от «Камня» до Тихого океана были пройдены с небольшим в сто лет. Внуки казаков Ермака Тимофеевича стали первыми русскими тихоокеанскими мореплавателями, заплыв на челнах с Семеном Дежневым в чукотскую землю и даже в Америку. Их сыновья с Хабаровым и Поярковым стали уже рубить городки по Амур-реке, придя к самой границе китайского государства. Удалые ватаги, зачастую лишь в несколько десятков отважных молодых, без карт, без компаса, без средств, с одним крестом на шее и пищалью в руке, покоряли огромные пространства с редким диким населением, переваливая через горы, о которых раньше никогда не слыхали, прорубаясь через дремучие леса, держа путь все на восход, устрашая и подчиняя дикарей огненным боем. Доходя до берега большой реки, они останавливались, рубили городок и посылали ходоков в Москву к Царю, а чаще в Тобольск к воеводе – бить челом новой землицей.

Совсем иначе сложились обстоятельства на южном пути русского богатыря. Против русских здесь была сама природа. Сибирь являлась как бы естественным продолжением северо-восточной России, и русские пионеры работали там в климатических условиях, конечно, хоть и более суровых, но в общем привычных. Здесь же – вверх по Иртышу и на юг и юго-восток от Яика – простиралась безбрежная знойная степь, переходившая затем в солончаки и пустыни. Степи эти населяли не разрозненные тунгусские племена, а многочисленные орды киргизов, при случае умевших постоять за себя и которым огневой снаряд был не в диковинку. Эти орды находились в зависимости, частью номинальной, от трех среднеазиатских ханств – Хивы на западе, Бухары в средней части и Коканда на севере и востоке.

При продвижении от Яика русские должны были рано или поздно столкнуться с хивинцами, а при движении от Иртыша – с кокандцами. Эти воинственные народы и подвластные им киргизские орды вместе с природой ставили здесь русскому продвижению преграды, для частного почина оказавшиеся непреодолимыми. Весь XVII и XVIII век наш образ действий на этой окраине был поэтому не бурно наступательным, как в Сибири, а строго оборонительным.

Гнездо свирепых хищников – Хива – находилось как бы в оазисе, огражденном со всех сторон на многие сотни верст, как неприступным гласисом, раскаленными пустынями.

Хивинцы и киргизы устраивали постоянные набеги на русские поселения по Яику, разоряя их, грабили купеческие караваны и угоняли русских людей в неволю. Попытки яицких казаков – людей, столь же отважных и предприимчивых, как их сибирские собратья – обуздать хищников успехом не увенчались. Задача значительно превысила их силы. Из ходивших на Хиву удальцов ни одному не привелось вернуться на родину – их кости в пустыне засыпал песок, уцелевшие до конца дней своих томились в азиатских «клоповниках». В 1600 году на Хиву ходил атаман Нечай с 1000 казаков, а в 1605 году атаман Шамай – с 500 казаков. Им обоим удалось взять и разорить город, но оба эти отряда погибли на обратном пути. Устройством плотин на Аму-Дарье хивинцы отвели эту реку от Каспийского моря в Аральское и превратили весь Закаспийский край в пустыню, думая обеспечить этим себя от Запада. Покорение Сибири было делом частного почина отважных и предприимчивых русских людей. Завоевание Средней Азии стало делом Российского государства – делом Российской Империи.

Начало русского проникновения в Среднюю Азию. От Бековича до Перовского

Попытка первого из русских императоров проникнуть в Среднюю Азию закончилась трагически. Отряд Бековича, отправленный для отыскания сухого пути в Индию, весь стал жертвой хивинского вероломства. Одной из задач Петр поставил ему: «Плотины разобрать и воды Аму-Дарьи реки паки в Каспийское море обратить, понеже зело нужно». Дойдя до Хивы, Бекович пал жертвой вероломства хивинского хана и собственного легкомыслия. Хан изъявил на словах покорность, предложил ему разделить свой отряд на несколько мелких партий для удобства размещения в стране. После этого хивинцы внезапным нападением вырезали их порознь. «Пропал, как Бекович под Хивой», – стали говорить с тех пор, и на целых полтора столетия мечта проникнуть в Среднюю Азию со стороны Каспия была оставлена, а распространение русской государственности на юго-восток вообще приостановилось на весь XVIII век.

Одновременно с Бековичем, как мы уже знаем, был двинут из Сибири вверх по Иртышу отряд Бухгольца. Экспедиция эта имела результатом создание Сибирской линии – кордона постов и укрепления по Иртышу от Омска на Семипалатинск и Усть-Каменогорск для защиты русских владений от набегов степных кочевников. В последующие десятилетия Сибирская линия была продлена до китайской границы и на ней выстроено в общей сложности 141 укрепление – кордон на расстоянии одного перехода друг от друга.

Прикрыв, таким образом, Сибирь, русское правительство стало энергично укреплять свою власть в Приуралье. Заволжские степи заселены, границы с Волги и Камы продвинулись на Яик, и земли яицких казаков были включены в государственную систему. В 1735 году основан административный центр степных владений – Оренбург, а в 1758 году устройством Оренбургского казачьего войска положено начало Оренбургской линии, сперва учрежденной вдоль по Яику, но уже в 1754 году вынесенной вперед – на Илецк.

Так наметилось два наступательных плацдарма России – Сибирский и Оренбургский.

Вторая половина XVIII века и начало XIX-го протекли в устройстве края, всколыхнувшегося лишь раз, по получении лаконического указа Императора Павла: «Донскому и Уральскому казачьим войскам собираться в полки, идти в Индию и завоевать оную!» Экспедиция эта, совершенно непродуманная и чреватая гибельными последствиями, была отменена Александром I. С назначением сибирским генерал-губернатором Сперанского пробудилась в этих краях российская великодержавность. В 20-х и 30-х годах русские посты постепенно продвинулись на 600–700 верст от Сибирской линии и стали достигать Голодной степи. Киргизские орды стали переходить в русское подданство. На Сибирской линии этот процесс проходил гладко, но на Оренбургской – в «Малой орде» – вспыхнули волнения, поддержанные Хивой. К концу 30-х годов положение здесь сделалось совершенно несносным.

Чтоб обуздать хищников, Император Николай Павлович повелел оренбургскому генерал-губернатору генералу графу Перовскому предпринять поход на Хиву. В декабре 1839 года Перовский с отрядом в 3000 человек при 16 орудиях выступил в поход тургайскими степями. Лютые морозы, бураны, цинга и тиф остановили отряд, дошедший было до Аральского моря. Энергией Перовского удалось спасти остатки отряда, лишившегося почти половины своего состава. После первого похода Бековича второй русский поход в Среднюю Азию кончился неудачей, что вселило в хивинцев уверенность в своей неуязвимости и непобедимости.

Все наше внимание обратилось на замирение киргизов. В 1845 году Оренбургская линия была вынесена вперед, на реки Ирғиз и Тургай, где построены укрепления этого имени. «Малую орду» можно было считать окончательно замиренной. В 1847 году мы достигли Араль-

ского моря, где учредили флотилию. С 1850 года зашевелилась и Сибирская линия, где стали учреждаться в Семиречье казачьи станицы, закреплявшие за нами киргизскую степь.

Вновь назначенный оренбургским генерал-губернатором граф Перовский решил принять операцию первостепенной важности: овладеть кокандской крепостью Ак-Мечеть, запиравшей у Аральского моря все пути в Среднюю Азию и считавшейся среднеазиатскими народами неприступною. В конце мая 1853 года он выступил с Оренбургской линии с 5000 человек и 36 орудиями и 20 июня стоял перед сильно укрепленной крепостью, пройдя 900 верст в 24 дня. 27 июня Перовский штурмовал Ак-Мечеть и овладел кокандским оплотом к вечеру 1 июля, на пятый день боя. Наш урон на приступе – 11 офицеров, 164 нижних чина. Кокандцев пощажено лишь 74 человека.

Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский, ставший краеугольным камнем ново-учрежденной Сыр-Дарьинской линии. Линия эта явилась как бы авангардом Оренбургской линии и связалась с этой последней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим киргизскую степь от туркмен пустыни Усть-Урт).

В неравном бою 18 декабря того же 1853 года гарнизон Перовска геройски отразил в двенадцать раз превосходившие силы кокандцев, пытавшихся вырвать Ак-Мечеть из русских рук. Гарнизон под начальством подполковника Огарева состоял из 1055 человек при 19 орудиях. Кокандцев было 12 000. Блестящей вылазкой Огарев и капитан Шкупь опрокинули всю орду, положив до 2000 и взяв 11 знамен и все 17 орудий неприятеля. Наш урон – 62 человека.

Колпаковский и Черняев

К началу нового царствования головными пунктами русского продвижения в Среднюю Азию являлись со стороны Оренбурга – Перовск, а со стороны Сибири – только что заложенный Верный. Между этими двумя пунктами находился прорыв, своего рода ворота шириною в 900 верст, открытые для набегов кокандских скопищ в русские пределы. Эти кокандские скопища опирались на линию крепостей Азрек – Чимкент – Аулие-Ата – Пишпек – Токмак. Необходимо было как можно скорее замкнуть эти ворота и оградить наших киргизов от кокандского влияния. Поэтому с 1856 года основной задачей России стало соединение линий Сыр-Дарьинской и Сибирской. На одном из этих направлений мы имели 11 оренбургских линейных батальонов, уральских и оренбургских казаков, а на другом – 12 западносибирских линейных батальонов и казаков Сибирского войска. Эти горсти людей были разбросаны на двух громадных фронтах, общим протяжением свыше 3500 верст.

Операция «соединения линий» была задержана сперва (до 1859 года) устройством киргизов, а затем ликвидацией нашествия кокандских полчищ на Сибирскую линию.

Начальником угрожаемого района – Заилийского края – был подполковник Колпаковский. В конце лета 1860 года кокандский хан собрал 22 000 воинов для того, чтобы уничтожить Верный, поднять на русских киргизскую степь и разгромить все русские поселки Семиречья. Положение для русского дела на этой окраине сложилось угрожающее. Колпаковский мог собрать в Верном около 2000 казаков и линейцев. Поставив все на карту, этот Котляревский Туркестана двинулся на врага и в трехдневном бою на реке Кара-Костек (Узун-Агач) наголову разбил кокандцев. При Кара-Костеке русских было всего 1000 человек при 8 орудиях. В последний день наши линейцы прошли с боем 44 версты. Этим блестящим делом Сибирская линия была обеспечена от неприятельских покушений. Одновременно отряд полковника Циммермана разорил крепости Токмак и Пишпек. В 1862 году генерал Колпаковский взял крепость Мерке и утвердился в Пишпек. Россия стала твердой ногой в Семиречье, и ее влияние распространилось на китайские пределы.

К этому времени относится изменение нашего взгляда на значение среднеазиатских завоеваний. Прежде мы считали продвижение на юг делом внутренней политики и задачу видели в обеспечении степных границ. Теперь же наша среднеазиатская политика стала приобретать великодержавный характер. Раньше в глубь материка нас тянул лишь тяжелый рок. Теперь же обращенным на юг взорам Двуглавого Орла стала угадываться синеватая дымка Памира, снежные облака Гималайских вершин и скрытые за ними долины Индостана... Заветная мечта окрылила два поколения туркестанских командиров!

Наша дипломатия осознала огромную политическую выгоду туркестанских походов, приближавших нас к Индии. Враждебное к нам отношение Англии со времени Восточной войны, и особенно с 1863 года, определило всю русскую политику в Средней Азии. Наше продвижение с киргизских степей к афганским ущельям являлось замечательным орудием политического давления – орудием, ставшим бы неотразимым в руках более смелых и искусных, чем были руки дипломатии Александра II.

Решено было не откладывать соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий и объединить возможно скорее наши владения. Весной 1864 года навстречу друг другу выступило два отряда: от Верного – полковник Черняев с 1500 бойцами и 4 орудиями, и от Перовска – полковник Веревкин с 1200 человеками и 10 орудиями.

Пройдя Пишпек, Черняев взял штурмом 4 июня крепость Аулие-Ата и в июле подошел к Чимкенту, где 22-го числа выдержал бой с 25 000 кокандцев. Веревкин тем временем взял 12 июля крепость Туркестан и выслал летучий отряд для связи с Черняевым. Этот последний, считая свои силы (7 рот, 6 сотен и 4 пушки) недостаточными для овладения сильно укреплен-

ным Чимкентом, отступил в Туркестан на соединение с полковником Веревкиным. Оба русских отряда, соединившись, поступили под общее командование только что произведенного в генералы Черняева и, отдохнув, направились в половине сентября под Чимкент. 22 сентября Черняев штурмовал Чимкент, овладел им и обратил в бегство кокандскую армию. У Черняева было 1000 человек и 9 орудий. Чимкент защищало 10 000. Черняев овладел крепостью, переводя свои роты через ров поодиночке по водопроводной трубе. Наши трофеи: 4 знамени, 31 орудие, много другого оружия и разных военных принадлежностей. У нас выбыло из строя 47 человек.

Кокандцы бежали в Ташкент. Черняев решил немедленно использовать моральное впечатление чимкентской победы и двинуться на Ташкент, дав лишь время распространиться молве. 27 сентября он подступил под сильно укрепленный Ташкент и 1 октября штурмовал его, но был отбит и отступил в Туркестанский лагерь.

Воспрянувшие духом кокандцы решили заставить русских врасплох и в декабре 1864 года собрали до 12 000 головорезов для внезапного нападения на Туркестан. Но эта орда была остановлена в трехдневном отчаянном бою у Икан с 4 по 6 декабря геройской сотней 2-го Уральского полка есаула Серова, повторившего здесь аскеранский подвиг Карягина. Из 110 казаков при 1 единороге уцелело 11, 52 убито, 47 ранено. Все получили георгиевские кресты. О сопротивление этой горстки героев сломился порыв кокандцев, и они, не приняв боя с высланным на выручку русским отрядом, возвратились восвояси.

Весной 1865 года учреждена Туркестанская область, и Черняев назначен был ее военным губернатором. С отрядом в 1800 человек и 12 орудий он выступил под Ташкент и 9 мая разбил под его стенами кокандские силы. Жители Ташкента отдались под власть бухарского эмира, выславшего туда свои войска. Решив упредить бухарцев, Черняев поспешил штурмом и на рассвете 15 июня овладел Ташкентом стремительной атакой. В Ташкенте, имевшем до 30 000 защитников, взято 16 знамен и 63 орудия. Наш урон – 123 человека. Занятие Ташкента окончательно упрочило положение России в Средней Азии.

Подчинение Бухары

Успехи Черняева и распространение русского могущества на Коканд сильно встревожило Бухару. Это ханство было до сих пор ограждено от русских кокандскими землями, ставшими сейчас русскими областями. Эмир претендовал на Ташкент, ссылаясь на волю его жителей, но домогательства его были отвергнуты. Положив овладеть Ташкентом силой, эмир весной 1866 года собрал у русских пределов до 43 000 войск. Генерал Черняев, в свою очередь, решил не дожидаться удара, а бить самому – и в мае двинул на Бухару отряд генерала Романовского в 3000 бойцов при 20 орудиях.

Кампания 1866 года генерала Романовского была сокрушительной. 8 мая он разбил бухарские войска при Ирджаре, 24-го овладел Ходжентом, 20 июля приступом взял Ура-Тюбе, а 18 октября внезапным и жестоким штурмом покорил Джизак. В трех этих беспощадных штурмах русские войска, лишившись 500 человек, положили на месте 12 000 азиатов. Под Ирджаром перебито 1000 бухарцев и взято 6 орудий. При штурме Ходжента перебито 3500. Наш урон – 137 человек. При Ура-Тюбе перебито 2000, взято 4 знамени, 32 орудия, наши потери – 227 человек. Наконец, в самом кровавом деле, при Джизаке, из 11 000 бухарцев легло 6000, из 2000 русских убыло только 98. Взято 11 знамен и 43 орудия.

Потеряв Джизак, бухарцы бежали к своей столице – Самарканду и поспешили вступить в переговоры о мире. В безрезультатных переговорах прошел весь 1867 год. Бухарцы их намеренно затягивали, стремясь выиграть время и набрать новую армию; Россия же провела капитальную административную реформу. В этом, 1867 году Туркестанская область была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство, составившее в административном отношении две области – Семиреченскую (город Верный) с военным губернатором генералом Колпаковским и Сыр-Дарьинскую (город Ташкент) с генералом Романовским. Образован Туркестанский военный округ, и войска на его территории – 7-й Оренбургский и 3-й Сибирский линейные батальоны – развернуты в 1-ю стрелковую дивизию и 12 линейных туркестанских батальонов. Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал фон Кауфман, Черняев был отозван.

Человек ответственных решений и волевой военачальник, генерал фон Кауфман сразу оценил обстановку. Примирительная политика не удалась, злая воля Бухары стала очевидной – эту злую волю надлежало сломить. В конце апреля 1868 года Кауфман с отрядом в 4000 штыков и шашек при 10 орудиях двинулся от Ташкента к Самарканду, на подступах к которому эмир собрал до 60 000 человек.

2 мая 1868 года пехота генерала Головачева по грудь в воде перешла Зеравшан на глазах неприятельских полчищ, ударила на них в штыки, овладела высотами Чапан-Ата и обратила бухарцев в бегство. Самарканд закрыл ворота бегущим и сдался русским. В бой пришлось идти сразу же по переходе реки. Солдаты набрали полные голенища воды, разуваться же и вытряхивать воду не было времени. Наши линейцы становились на руки, и товарищи трясли их за ноги. После этого сразу пошли в штыки на бухарцев. «Халатники» решили, что постигли секрет русской тактики, и месяц спустя при Зарабулаке, подойдя на ружейный выстрел, их первые отряды стали головой вниз, тогда как задние добросовестно стали трясти их за ноги. По совершении этого обряда в победе никто из них не сомневался.

Оставив здесь гарнизон, Кауфман двинулся дальше на юг с войсками Головачева и Романовского. 18 мая он опрокинул бухарцев при Катта-Кургане, а 2 июня доконал армию эмира в жесточайшем степном побоище на Зарабулакских высотах. Зарабулак – первая проба игольчатых винтовок Карле, жестокая бойня, в которой перебито до 10 000 бухарцев, густые массы которых наш огонь косил, как траву. Наши потери – всего 63 человека. Всего в этом деле против 2000 русских действовало 35 000 войск эмира. Потрясенный эмир запросил аман. Бухара

признала над собой протекторат России, уступила России Самарканд и все земли до Зарабулака.

В самый день решительной Зарабулакской битвы – 2 июня – в нашем тылу предательски восстал Самарканд. К восставшим присоединились полчища воинственных горцев-шахрисябцев, и 50 000 хищников атаковали цитадель, где засел геройский русский гарнизон (700 человек) майора Штемпеля. Шесть дней защиты Самарканда навсегда останутся блистательной страницей в летописях и традициях туркестанских войск. 7 июня вернувшийся из-под Зарабулака Кауфман выручил этих храбрецов и поступил с Самаркандом с примерной строгостью. Геройская стойкость гарнизона, отбившего яростные приступы 2 и 3 июня, повела к тому, что шахрисябцы, отчаявшись в успехе, уже 4-го числа ушли к себе в горы. Мы лишились 150 человек. Дальнейшие атаки самаркандцев отбивать стало легче. Кауфман в наказание (самаркандцы присягнули на подданство России и присягу эту нарушили) приказал сжечь город.

Одновременно с подчинением России Бухарского ханства вспыхнуло восстание дунган в китайском Туркестане. Анархия эта вызвала брожение в смежной части русского Семиречья, и дунганский султан стал вести себя вызывающе. В 1869 году генерал Колпаковский предпринял экспедицию в китайский Туркестан, а в 1871 году оккупировал Кульджу. Большую часть этой провинции Россия возвратила в 1874 году Китаю, после того как китайцы управились с восстанием.

В 1869 году произошло важное событие – Россия утвердилась на восточном берегу Каспийского моря. В Красноводском заливе высадился генерал Столетов с отрядом в 1000 человек войск Кавказской армии. Таким образом, через полтора года возобновлена была попытка Бекевича проникнуть в Среднюю Азию от Каспия. Тут мы столкнулись с новым храбрым и жестоким врагом – туркменами, населявшими закаспийские степи и пустыни. Возведение нами в 1870 году Красноводска послужило для них поводом к неприязненным действиям. В 1871 году состоялась знаменитая рекогносцировка капитана Скобелева от Красноводска до Хивинского Сарыкамышья через пустыню Усть-Урт. Скобелев произвел маршрутную съемку Усть-Урта, пройдя 760 верст в 6 дней с охраной всего из шести джигитов. В 1874 году занятые нами на восточном берегу Каспия земли составили Закаспийский отдел, подчиненный Кавказскому военному округу.

Хивинский поход и покорение Коканда 1873–1876 годов

Одна лишь Хива до сих пор не извела силы русского оружия. Считая себя защищенными пустыней, помня двукратную неудачу русских походов на их оазис, хивинцы не желали прекращать разбоев, грабежей и прибыльной работоторговли. На все представления генерала Кауфмана хивинский хан либо не отвечал, либо отвечал дерзостями, считая, что «белые рубахи» до Хивы не дойдут.

Тогда в конце зимы 1873 года было решено предпринять на Хиву поход четырьмя отрядами с трех сторон: со стороны Туркестана – Кауфман с 6000 человек при 18 орудиях, со стороны Оренбурга – генерал Веревкин с 3500 человек при 8 орудиях и со стороны Каспийского моря два отряда: Мангышлакский – полковника Ломакина, с 3000 человек и 8 орудиями, и Красноводский – полковника Маркозова, с 2000 человек и 10 орудиями – оба из войск Кавказского округа. По соединении всех отрядов у Хивы все эти силы, до сих пор в Туркестане неслыханные (до 15 000 бойцов при 44 орудиях), должны были поступить под команду Кауфмана.

Веревкин, которому надлежало идти по наиболее длинному маршруту, уже в половине февраля тронулся небольшими переходами с Эмбы на Аму-Дарью северокаспийскими степями. Туркестанский отряд (колонны Кауфмана и Головачева) выступил 13 марта. Закаспийский и Красноводский – в половине марта, а Мангышлакский – в половине апреля.

Туркестанскому отряду, выступившему из Джизака, пришлось вынести всю тяжесть континентального климата – сперва резкий холод, затем, в апреле, ужасный зной. С половины апреля пришлось идти по безводной пустыне, запасы воды вышли, люди стали умирать, и, когда отряд 21 апреля пришел в урочище Адам-Крылган (что значит «погибель человека»), гибель его казалась неизбежной. Случайно открытые колодцы спасли войска, и Кауфман непреклонно шел вперед. 12 мая он вышел на Аму-Дарью, дал войскам отдых и направился к Хиве.

Двум закаспийским отрядам приходилось преодолеть 700-верстную пустыню Усть-Урт с ее песчаными сыпучими барханами. Красноводскому отряду это оказалось не по силам, и он вынужден был вернуться, сослужив, однако, ту службу, что удержал своим движением наиболее воинственное из туркменских племен – текинцев. Мангышлакский отряд (где начальником штаба был подполковник Скобелев) перешел Усть-Урт в пятидесятиградусный зной, имея частые стычки с хивинцами и туркменами, и 18 мая близ Мангыта соединился с Оренбургским отрядом генерала Веревкина. 20-го числа Веревкин и Ломакин имели здесь упорный бой с хивинцами, положив их до 3000, а 26-го подошли к Хиве, куда затем прибыл и Туркестанский отряд Кауфмана.

28 мая начался штурм города, и 29-го решительная атака Скобелева завершила дело. Вслед за Кокандом и Бухарой покорилась и Хива. Хивинский хан признал себя «покорным слугой» русского Царя, освободил всех невольников в пределах своей страны и уступил России все земли на правом берегу Аму-Дарьи, где к вассальному отныне ханству был приставлен русский часовой – форт Петроалександровск.

Раньше, чем вернуться в Туркестан, Кауфман предпринял карательную экспедицию на туркмен-йомудов и покорил их, положив в делах 14 и 15 июня свыше 2000 человек. В этом деле было уничтожено как раз то племя, что вырезало отряд Бековича.

Этот Хивинский поход был самым трудным из всех многотрудных туркестанских походов. Безмерных лишений, которым подвергались здесь роты линейных батальонов и кавказских полков, не выдержала бы никакая армия в мире. Усть-Урт и Адам-Крылган – такая же победа над самой природой, как Муттенская долина и Траянов перевал. Военные и политические дарования генерала Кауфмана выявились еще раз в полном своем размере. А по рядам линейцев и казаков передавалось имя героя этой экспедиции – молодого, безусловно щеголе-

ваго 30-летнего полковника Генерального штаба, отчаянной отваге и невозмутимой решительности которого изумлялись все. Через четыре года имя это знала вся Россия.

* * *

Подчиняя своему влиянию среднеазиатские государства, Россия оставляла этим ханствам полную внутреннюю самостоятельность, требуя лишь признания своего протектората, уступки некоторых важных в стратегическом отношении областей и пунктов и прекращения работорговли.

От этой умеренной линии поведения пришлось, однако, вскоре сделать отступление и показать зазнавшимся было азиатам, что великодушие – не слабость. В 1875 году в одном из трех наших протекторатов, Коканде, вспыхнули беспорядки. Худояр – хан кокандский – бежал в Ташкент, а власть узурпировал бек Пулат, свирепый ненавистник России. В конце июля и начале августа 1875 года шайки кокандцев совершили ряд нападений на русские посты между Ходжентом и Ура-Тюбе, а 8 августа 15-тысячное скопище напало на Ходжент, но было отражено.

Энергичный Кауфман реагировал немедленно. Уже 11 августа генерал Головачев разбил 6000 кокандцев у Зюльфагара, а 12-го выступили из Ташкента и главные силы Кауфмана (4000 при 20 орудиях). Вся конница, 1000 шашек, была поручена полковнику Скобелеву.

Русские двинулись в ходжентском направлении. Пулат-хан с огромной армией (до 60 000) поджидал русских у Махрама на Сыр-Дарье. 22 августа русские на походе отбили атаки скопищ кокандцев, а 24-го в генеральном сражении при Махраме нанесли сокрушительное поражение кокандской армии. Махрам – удар стрелков в лоб врагу, конницы Скобелева – в тыл. 3000 кокандцев положено на месте и взято 46 орудий. Наши потери – всего 5 убитых и 8 раненых. Дорога на Коканд, столицу ханства, была открыта. 26-го, после дневки у Махрама, Кауфман выступил туда и 29 августа овладел Кокандом без боя.

Остатки разбитых кокандских войск собрались на востоке ханства – у Маргелана и Оша. Их возглавил Абдуррахман Автобачи. Кауфман двинулся на Маргелан, открывший ему ворота. Абдуррахман бежал, бросив свой лагерь, а его войско было рассеяно нагнавшим его Скобелевым. Коканд уступил России земли по правому берегу Нарыма, составившие Наманганский округ. «Нарым» – не что иное, как среднее течение реки Сыр-Дарьи (в верхнем своем течении именуемой также Тарагаем). Не смешивать с «Нарымским краем» в Сибири.

Лишь только русские покинули пределы ханства, как в сентябре все оно опять было охвачено восстанием. Пулат-хан и Абдуррахман провозгласили в Андижане «газават» – священную войну и в несколько дней собрали до 70 000 приверженцев. Генерал Кауфман двинул под Андижан отряд генерала Троцкого. Подойдя к Андижану, генерал Троцкий 1 октября предпринял штурм, отличавшийся невероятным ожесточением. Пощады здесь никому не было дано, фанатики ее и не просили. Андижан был разгромлен артиллерией, пехота и казаки добились врага. Наши потери – всего 5 офицеров и 58 нижних чинов. Повстанцев перебито до 4000.

В результате андижанского штурма Коканд казался замиренным. Русские его эвакуировали, и в декабре вспыхнул новый мятеж. Ликвидировать этот взрыв – третий за полгода – было поручено начальнику Наманганского округа, только что произведенному в генералы Скобелеву. Скобелев устремился на Пулат-хана, засевшего в Маргелане, но вынужден был возвратиться: в тылу у него восстал Наманган. Этот город был сожжен, и мятеж пресечен в зародыше. Затем Скобелев возобновил свою экспедицию. 31 декабря он разгромил 20 000 кокандцев при Балыкчанских завалах, а 4 января 1876 года георгиевские рожки линейных батальонов вторично протрубили приступ Андижана.

На этот раз ханство было усмирено окончательно, Ош и Маргалан изъявили покорность. 28 января сдался Абдуррахман. Пулат-хан пойман и за зверства над русскими пленниками

повешен. 12 февраля Коканд взят, и последний хан кокандский Наср-Эддин выслан в Россию. Кокандское ханство перестало существовать и присоединено Скобелевым к России под наименованием Ферганской области.

Ахал-Текинские походы 1877–1881 годов

Туркменские степи огромным клином вдавались в наши среднеазиатские владения, разделяя Закаспийский край и Туркестан и пересекая все наши караванные пути, так что сообщения между Красноводском и Ташкентом приходилось поддерживать через Оренбург. Из всех туркменских племен особенной свирепостью и воинственностью отличались текинцы, обитавшие в оазисах Ахал-Текинском и Мервском. Престиж этих чеченцев Средней Азии стоял высоко от Кабула до Тегерана.

Сразу же после нашей высадки и закладки Красноводска острые шашки текинцев воспротивились русскому продвижению в Закаспийский край. Владения их были трудно достигаемы – от моря Ахал-Текинский оазис отделяли 500 верст безводной и пустынной степи. Покорение этого «осинового гнезда» было настоятельно необходимо и стало на очередь сейчас же по учреждении в 1874 году Закаспийской области. Однако трепетавшая перед Англией русская дипломатия, опасаясь того, «что могут подумать в Лондоне», настояла на полумере. Решено было лишь утвердиться на краю оазиса в урочище Кизил-Арват – иными словами, осиное гнездо не уничтожить, а только потревожить.

Неудачная идея была еще неудачнее выполнена. Ходивший в 1877 году на Кизил-Арват генерал Ломакин не рассчитал средств снабжения и, заняв указанный район, должен был спешно ретироваться ввиду недостатка продовольствия. В 1878 году штаб Кавказского округа предписал генералу Ломакину предпринять «усиленную рекогносцировку» Ахал-Текинского оазиса. Это был большой психологический промах: движение крупного русского отряда туда и назад было истолковано как неудавшийся поход, и во всех окрестных землях стали говорить, что «текинцев никто не может победить – даже русские».

Тогда в 1879 году в Тифлисе решили предпринять серьезную операцию. Для покорения Ахал-Текинского оазиса был назначен сборный отряд, куда вошли батальоны славных полков Кавказской гренадерской, 20-й и 21-й дивизий. Отряд этот – силой до 10 000 человек – был вверен герою Карса генералу Лазареву.

Генерал Лазарев повторил ошибку Ломакина в 1877 году – он пренебрег устройством продовольственной части и смог поэтому двинуть в поход в августе 1879 года лишь половину своего отряда. На пути к текинскому оплоту Геок-Тепе Лазарев скончался, и в командование вступил старший генерал Ломакин. При погребении Лазарева колеса пушки, производившей салют, рассыпались, что было всеми истолковано как дурное предзнаменование (вследствие чрезмерной сухости воздуха подобного рода аварии деревянных лафетов и повозок случались в этих местах часто). Этот последний (Ломакин) «к хаосу нерасчетливости добавил еще торопливость». 28 августа он подступил к стенам Геок-Тепе с 3000 усталых людей, с заморенными верблюдами и 12 орудиями, не пожелал выслушать депутации, хотевшей изъяснить было покорность, штурмовал текинскую крепость, был отбит с уроном и поспешно отступил, едва не погубив всего отряда. Наш урон в этом упорном деле – 27 офицеров и 418 нижних чинов, самый значительный за все туркестанские войны.

Эта неудача сильно поколебала престиж России на Востоке. «Белые рубахи» были побеждены! Хивинцы и персияне злорадствовали (им, впрочем, самим солоно приходилось от дерзких набегов текинцев). Еще более ликовали англичане, только что потерпевшие сами поражение от афганских войск. Мы стали получать множество обидных советов и наставлений о том, как следует воевать с текинцами – от бухарского эмира, от хивинского хана, от пограничных персидских губернаторов. Эмир бухарский советовал идти на Геок-Тепе не менее как со стотысячной армией. Хивинский хан предлагал вообще отказаться от дальнейших предприятий против Геок-Тепе. Персияне заклинали не сходиться с текинцами врукопашную, «так как храбрее и сильнее текинцев нет никого на свете».

Командующим Закаспийским отрядом был назначен генерал Тергукасов. Он привел войска в порядок, подбодрил их, но вскоре сдал свою должность по болезни. Зимой 1879 года в Петербург поступали различные планы и проекты. План Тергукасова предусматривал, например, покорение Ахал-Текинского оазиса в 4,5 года при затрате 40 миллионов рублей. Штаб Кавказского округа тоже представил свой план, настаивая на назначении кого-нибудь из «своих» генералов. Намечались всевозможные кандидатуры.

Но Государь не согласился ни с одним из этих проектов. Он уже наметил своего кандидата – и вызвал к себе из Минска 37-летнего командира IV армейского корпуса генерал-лейтенанта Скобелева. Из Зимнего Дворца герой Плевны и Шейнова вышел полномочным начальником экспедиции и, садясь в вагон, послал из Петербурга в Закаспийский край по телеграфу свой первый лаконический приказ: «Подтянуться!»

* * *

С чувством глубокой грусти начинаем мы описание блестящего текинского похода Скобелева в 1880–1881 годах – последней кампании Белого Генерала. В первый и, увы, в последний раз он выступил здесь самостоятельным военачальником. Ловча была его Кинбурном, Шейново – Римником, Геок-Тепе стало его Прагой, а Требии ему не было дано...

Глазомером полководца, как и инстинктом государственного человека – знатока Средней Азии, Скобелев сознавал необходимость и неизбежность занятия как Ахал-Текинского, так и Мервского оазисов. Но Министерство иностранных дел, страшась «дурного впечатления в Англии», настояло на ограничении экспедиции одним лишь Ахал-Текинским оазисом.

7 мая 1880 года Скобелев высадился у Чикишляра. За 4 версты от берега он спустил в море своего белого боевого коня, благополучно доплывшего. Рекогносцировав со своими ближайшими сотрудниками – начальником штаба полковником Гродековым и капитаном 2-го ранга Макаровым – побережье Михайловского залива, он выбрал место закладки и указал направление Закаспийской железной дороги, приказав немедленно же приступить к работам.

Силы текинцев исчислялись до 50 000 (за оружие взялись от мала до велика), из коих до 10 000 отличных конников. Огнестрельное оружие имелось у половины воинов (английские винтовки, захваченные русские и свои, старые самопалы огромного калибра, бившие с сошника на 2000 шагов). Острые шашки и кинжалы были у всех. На все войско имелась лишь одна пушка, что, впрочем, не беспокоило отважного и умного Тькма-сердаря – текинского главнокомандующего. Он положил полевых сражений не давать, а отсиживаться в крепости Геок-Тепе – огромном квадрате в версту стороной, стены которой, толщиной в 3 сажени, не боялись огня русской артиллерии. При вылазках же и в рукопашных схватках бешеная отвага текинцев (надвигавших папаху на глаза и бросавшихся очертя голову в сечу) и их мастерское умение владеть оружием должно было вместе с огромным численным превосходством дать им победу, как в прошлом, 1879 году. Кроме того, текинцы были уверены, что русские, как и в предыдущие кампании, в конце концов должны будут отступить по недостатку продовольствия.

Организуя свой отряд, Скобелев принял известную «туркестанскую пропорцию» – русская рота равна 1000 неприятелей. У него было 46 рот, а главное – кавказских войск (полков 19-й и 21-й дивизий) и 11 эскадронов и сотен – всего 8000 штыков и шашек. В продолжение всей кампании счет велся Скобелевым исключительно на роты, а не на батальоны, как то имело место обычно. На этот отряд Скобелев потребовал 64 орудия – по 8 орудий на тысячу бойцов, что вдвое превышало обычную норму и показывало значение, которое Белый Генерал уделял огню.

Сюда, в Закаспийский край, Скобелев вытребовал все новинки военной техники – пулеметы, оптическую и электрическую сигнализацию, узкоколейки Дековилля, аэростаты, холодильники, опреснители. Он не пренебрегал никаким средством, которое могло бы хоть

сколько-нибудь сберечь силы солдата на походе и кровь его в бою (мы можем видеть всю разницу между открытым умом Скобелева и узким доктринерством Драгомирова – разницу между полководцем Божией милостью и рутинером военного дела).

Организация продовольственной части – этой вечной до сих пор нашей ахиллесовой пяты – всецело резюмируется лаконической директивой Скобелева: «Кормить до отвала и не жалеть того, что испортится». Довольствие войск сразу же стало великолепным и оставалось таким весь поход. Лихой рубака Хивинского похода, порывистый начальник конной партии Кокандской войны преобразился здесь в расчетливого, проникнутого сознанием ответственности полководца – полководца, сочетающего с огненной душой холодный ум, никогда не делающего второго шага, не закрепив первого, подчиняющего быстроту и натиск первой воинской добродетели – глазомеру.

* * *

В первую очередь Скобелев положил овладеть Кизил-Арватским районом и там создать базу для действий против Геок-Тепе. 23 мая Скобелев выступил из Чикишляра и 31-го занял Вами (в Кизил-Арватском оазисе). Оперативная база была таким образом одним – но великолепно рассчитанным – скачком вынесена на 400 верст вперед, и всего 100 верст отделяло русских от Геок-Тепе. Русские стали в Вами твердой ногой. Как раз в оазисе поспела посеянная текинцами пшеница, и обильная жатва обеспечила войска хлебом тут же, на месте. Скобелев знал, что делал, и приказал развести здесь огороды. Задача снабжения этим до чрезвычайности упрощалась, и Скобелев «заставил пустыню кормить экспедицию».

Разрешив продовольственный вопрос, заложив надежный фундамент под здание экспедиции, Скобелев перешел к следующему этапу – разведке противника, «чтобы не быть в потемках» (с текинцами до сих пор ему не приходилось воевать). С этой целью он решил предпринять разведывательный набег на Геок-Тепе, нарочно взяв крошечный отряд, чтобы не повторить психологической ошибки, допущенной Ломакиным в 1878 году. 1 июля отряд выступил и 8-го благополучно возвратился в Вами. Разведка удалась блестяще. Скобелев взял с собой 700 человек с 8 орудиями и 2 пулеметами. Дойдя до Геок-Тепе, он обошел крепость с «музыкой» со всех сторон и отразил с самым незначительным для нас уроном натиск текинцев.

Осенью Скобелев оборудовал вспомогательную базу на персидской территории (отклонив в то же время предложение персов нам помочь как не соответствовавшее достоинству России). Он все еще надеялся, по занятии Геок-Тепе, пойти на Мерв и покорить России весь край до афганской границы.

24 ноября, когда войска были всем обеспечены для зимней кампании, был объявлен поход под Геок-Тепе. С 24-го по 28-е русские трогались из Вами поэшелонно, и к половине декабря у Егян-Батыр-Калы, в 10 верстах от текинской твердыни, собралось уже 5000 бойцов при 47 орудиях. 11 декабря сюда прибыл из Туркестанского округа отряд полковника Куропаткина в составе 700 человек и 2-х орудий. Посылка отряда Куропаткина имела большое моральное значение для племен Средней Азии, показав, что текинцы уже не в силах препятствовать сообщениям Туркестана с Закаспийским краем. Текинский поход еще более сблизил Скобелева с Куропаткиным: «С ним судьба породнила меня боевым братством со второго штурма Андижана, в траншеях Плевны и на высотах Балканских», – писал Скобелев.

23 декабря началась осада Геок-Тепе, длившаяся 18 дней, энергично поведенная и сопрождавшаяся отчаянными вылазками текинцев и рядом жарких дел. 23 декабря у нас убит генерал Петрусевич. 28 декабря ночью текинцы внезапно ударили в шашки, ворвались в траншеи, изрубили 5 офицеров и 120 нижних чинов (почти все убиты, раненых – лишь 30), захватили знамя Апшеронского батальона и 1 горную пушку. 29 декабря, при взятии контртраншеи, мы лишились 61 человека, а во время вылазки 30 декабря потеряли 152 человека и еще

1 пушку. Текинцы увели с собой бомбардира Агафона Никитина (21-й артиллерийской бригады) и потребовали, чтобы он научил их обращаться с орудиями. Несмотря на нечеловеческие мучения и пытки, этот герой отказался и погиб. Но никогда не погибнет его имя! Текинцы так и не справились с трубкой, и стрельба их из захваченных орудий нам вреда не причиняла, так как снаряды не разрывались.

29-го по занятии Куропаткиным «Великокняжеской калы» (контрапрошей противника) были проведены минные работы, которым текинцы, по незнанию, не препятствовали. При отбитии вылазки 4 января мы лишились опять 78 человек. Текинцы не имели понятия о минном деле и даже радовались, слыша шум работы. «Русские настолько глупы, что роют подземный ход, – говорили они, – когда они станут оттуда вылезать один за другим, мы их поодиночке и изрубим!»

Утром 12 января 1881 года по сигналу Скобелева была взорвана мина. Взрыв невероятной силы засыпал всю крепость и ошеломил текинцев. Войска ринулись на штурм и овладели текинским оплотом после жестокой схватки. Конница по пятам преследовала бегущие толпы, довершив их разгром. Наш урон на приступе – 398 человек, текинцев погибло при взрыве, заколото на штурме и побито в преследовании до 8000 – третья часть защитников Геок-Тепе. Апшеронцы отбили свое знамя.

Ахал-Текинский оазис смирился. Тыкма-сердарь и уцелевшие старшины присягнули на подданство России и были отправлены депутацией к Государю, милостиво их принявшему. С ними обошлись ласково. «Текинцы такие молодцы, – говорил про них Скобелев, – что свести несколько сотен такой кавалерии под Вену – не последнее дело». Занятием в феврале Асхабадского округа кампания закончилась. Скобелев получил георгиевскую звезду. Недолго ему довелось ее носить...

* * *

В 1882–1884 годах под руководством генерала Анненкова была сооружена Закаспийская железная дорога от Красноводска на Мерв. 1 января 1884 года жители Мерва сами присягнули на русское подданство. Но наша дипломатия, опять сробев, затянула дело с переходом в русское подданство окраин Мервского оазиса на границе с Афганистаном, «дабы не вызывать осложнений с Англией» (окраинные эти ханства сами, между тем, просились к России!). Робость эта, как всегда, принесла обратные результаты. Видя колебание России, афганский эмир, подстрекаемый Англией, наложил на эти земли свою руку. Это имело следствием острый и затяжной двухлетний конфликт с Афганистаном и Англией.

Чувствуя за собой могучую поддержку, афганцы стали вести себя с каждым месяцем все более вызывающе и дерзко. Заносчивость эта сделалась в конце концов нестерпимой, и 18 марта 1885 года начальник Закаспийской области генерал Комаров нанес афганцам на реке Кушка при Таш-Кепри сокрушительное поражение и прогнал их за их границу. У Комарова было 1800 человек и 4 орудия. Афганцев было 4700 отборных воинов (афганцы дважды побеждали англичан – в 1841 и 1879 годах). Мы лишились 9 убитых и 45 раненых и контуженых, афганцев перебито свыше 1000 и взяты все бывшие у них 8 орудий и 2 знамени. Это было единственное военное действие в правление Царя-Миротворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.